

С ГЕНЕРАЛОМ ДАНСТЕРВИЛЛЕМ В ПЕРСИИ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Рассказывает капитан Сесил Джадж (Cecil Judge, 1892-1963)

29 января 1918 года группа офицеров и подофицеров отплыла из Саутгемптона в «неизвестном направлении». В ней были представители почти каждого подразделения Британской армии, находящейся во Франции. В группе были англичане, ирландцы и шотландцы, канадцы, новозеландцы, южноафриканцы и австралийцы, были также специально отобранные добровольцы. В специальном письме Военного Кабинета отмечалось, что они отправляются в путь с «опасной миссией».

К направляющейся из Франции группе позднее присоединились небольшие партии с Палестинского, Салоникского и Месопотамского фронтов, что увеличило ее численность примерно до 200 офицеров и 200 подофицеров. В действительности, группа направлялась на Южный Кавказ под командование великолепного

дипломата и известного к тому времени как удачливого солдата генерал-майора [Лайонела Данстервилла](#) (Lionel Dunsterville) – также известного как Stalkey (Стоки) – героя, который долгие годы приводил в восторг молодых читателей книг Кипплинга.

Цели у миссии, которая стала известной под названием *Dunsterforce/Данстерфорс*, были как наступательными, так и оборонительными по своей природе, и, если сказать в общем, заключались в предотвращении прихода противника в Афганистан и Индию путем создания на Кавказе силы, противостоящей Центральным державам.

Одной из предвоенных задумок немцев было проникновение на Ближний Восток по давно задуманной железной дороге Берлин-Багдад, но это стало невозможным, когда Багдад оказался в руках британцев. Тем не менее, был еще один путь проникновения в этот регион – по железной дороге, проходящей на восток от Батума до Баку и далее в Закаспийский край от Красноводска до Бухары. Если продвижение небольших групп офицеров и других подразделений вдоль этих железных дорог было бы обеспечено, Афганистан и Индия оказались бы в сфере деятельности пропагандистов, которые наверняка смогли бы найти множество непокорных племен, готовых к тому, чтобы напасть на британцев при условии существования иностранной поддержки в виде оружия и денег.

План проникновения в Бухару из Берлина был с энтузиазмом принят немцами, которые надеялись достичь в этом успеха с помощью своего союзника – Турции. Этот проект был также обречен на неудачу, пока остающаяся на Кавказе российская армия оставалась боеспособной. До лета 1917 года русская армия стойко удерживала фронт вдоль линии, простирающейся от побережья Черного моря через северную Персию до сектора фронта, смыкавшегося с правым флангом британских сил, наступающих через Месопотамию. К осени 1917 года разрушительный эффект Русской революции начал распространяться на войска, ведущие боевые действия на Кавказе. Эти дивизии в недавнем прошлом осуществляли наступательные операции, которые оказывали огромную помощь союзникам, но, когда «свобода, равенство и братство» сделали свое дело, от всей Кавказской армии не осталось ничего, кроме небольшого русского отряда, который был сцементирован исключительно благодаря командиру-герою – [полковнику Бичерахову](#). Об этом подразделении, преимущественно казачьей части, будет рассказано позднее.

Таким образом, в течении нескольких месяцев враги турок и немцев практически исчезли. Они обратились в убежденных пацифистов, политиков или в изолированные группы солдат, уставших от войны и намеревавшихся вернуться к своим домам любой ценой и как можно быстрее. Турки быстро воспользовались этим обстоятельством для достижения бескровной победы. Постепенно их войска стали продвигаться вдоль Кавказской железной дороги и к концу 1917 года казалось, что вскоре турки твердо обоснуются на Кавказе, и немецкие офицеры и подофицеры начнут ощутимую деятельность среди приграничных с Индией племен.

Представлялось, что остался только один путь к тому, чтобы остановить наступающего врага. В Тифлисе проживало смешанное население, состоящее из русских, грузин и армян. Ни под каким видом нельзя было считать это население единым. В Военном Кабинете в Лондоне считалось, что этому было следующее объяснение: армянам был присущ чрезмерный страх перед турками, грузины хотя и боялись турок как вполне очевидного национального врага, часто враждебно относились к армянам. Русские устали от войны и, вследствие этого, больше не хотели воевать против турок. (В самом деле, если судить по предвоенным песням, в предвоенное время существовали самые крепкие дружеские связи между местными мусульманами и православными).

Таким образом, многообещающий план заключался в отправке в Тифлис группы специально подобранных офицеров для того, чтобы объединить все три местные [национальные] группы и осуществлять руководство войсками, созданными на месте для противодействия туркам. План был вполне реалистичным, оригинальным, с богатыми возможностями, и, в случае неудачи, не грозил большими потерями в людском составе. Возможности, открывающиеся перед офицерами этой группы, казались огромными – новый тип военных действий, новая страна, возможность руководить людьми, вероятно, плохо управляемыми, но с потенциалом стать боеспособными солдатами. Ожидалось, что армяне будут сражаться с исключительным энтузиазмом против мусульман-завоевателей, а остальные кавказские народы предоставят материал, с которым будет интересно работать. В прошлом русские, населяющие эту территорию, были представлены людьми, которых Европейская Россия поставила вне закона. Принадлежность к этой этнической группе определялась следующим: православная вера, способность быть бойцом, жажда военной добычи и умение ее захватывать. Какие славные полки можно было рекрутировать из этих людей еще в 1916 году! К сожалению, амбициозные планы миссии *Данстерфорс* так и не были реализованы – к моменту прибытия части группы из Франции в Багдад через Италию, Суэц и залив Басра какая-либо деятельность союзников в Тифлисе стала невозможной из-за появления там турецких войск. (Первоначально ожидалось, что группа каким-то образом проникнет через территорию, занятую турками и останется в изоляции от остальных войск союзников на протяжении, вероятно, двух лет). Но наиболее неудачным обстоятельством из всех и фактором, который сделал тифлисский вариант невозможным, было то, что там изменилась ситуация. Группа была послана с опозданием на шесть месяцев. Революция полностью выветрила боевой дух из кавказцев. В Тифлисе в результате появления раздутых сводок о реальных победах немцев на Западном фронте в апреле и мае 1918 года стало казаться возможной победа Германии во войне в целом, и жители Тифлиса стали спрашивать себя: для чего здесь нужны британцы - чтобы затянуть войну? Армяне все еще боялись резни, но несмотря на это революция полностью разрушила их волю к сопротивлению. В результате всего этого стало ясно, что никакой полезной цели не будет достигнуто в ходе настойчивых попыток добраться до Тифлиса, даже если бы это было возможным... В реальности Старший Офицер Генерального Штаба, входивший в состав группы, с двумя другими офицерами сумел добраться до окрестностей Тифлиса, но, в итоге, все они были схвачены большевиками. Судьба двух последних неизвестна, но полковник из Генерального Штаба Пайк был определенно убит.

Альтернативным планом и единственно реальным планом, который мог принести положительные результаты, был вариант продвижения до Баку – ключу к Каспийскому региону. Со временем это было сделано, и это принесло большую пользу делу союзников.

Карта района деятельности миссии Данстерфорс. Основные города и пункты, упоминающиеся в тексте, показаны номерами:

1 - Багдад; 2 - Тегеран; 3 - Баку; 4 - Тбилиси; 5 - Хамадан; 6 - Казвин; 7 - Зинджан; 8 - Решт; 9 - Энзели; 10 – озеро Урмия; 11 - Красноводск; 12 - Тебриз; 13 - Батум; 14 - Керманшах; 15 - Сахиз.

Баку было рынком для всех племен, населявших берега Каспия – для русских и казаков на севере, для туркмен на востоке, для грузин и армян на западе. Русские рыбаки привозили мороженную рыбу и икру, туркмены – зерно и хлопок, представители племени джалали – рис, в то время как нефтеносные месторождения Баку поставляло практически все нефтепродукты, потребляемые в Средней Азии и побережьях Черного и Каспийского морей. Если бы Баку удалось отстоять от падения в руки турок и немцев, у них не было бы доступа к нефти, Кавказская железная дорога остановилась бы, и дверь в Среднюю Азию осталась бы закрытой для противника, вследствие чего он лишился бы возможности получать продовольствие, столь необходимое в Германии. Таким образом, целью миссии *Данстерфорс* теперь становились Баку и организация обороны города от врагов. До конца июля 1918 года миссия не имела возможности добраться до Баку, поскольку, во-первых, нужно было пересечь Персию, враждебную британцам, а во-вторых, Бакинское правительство (в основном, большевистское), отказалось иметь какие-либо дела с британцами, претендующими на лидерские и организационные роли. Оно потребовало от британцев полностью оснащенные войска, а всякая другая помощь упорно отвергалась. Туда был послан один полный батальон, но еще до этого миссии *Данстерфорс* понадобилось, по меньшей мере, четыре месяца для преодоления сопротивления враждебных персов и организации и обучения наемников в северо-западной Персии.

Рассказ о том, как были преодолены эти два вышеупомянутых препятствия, занял бы, по меньшей мере, четыре солидных тома и мог бы стать одной из наиболее занимательных историй всей этой войны.

Прежде всего необходимо было решить персидский вопрос. Теоретически Персия оставалась нейтральной с начала войны, но эта нейтральность не принималась во

внимание турками или русскими и не могла быть поддержана, поскольку не существовало персидской армии. Турки прошли по этой стране, опустошая поля и виноградники, разбирая дома на дрова, реквизируя тягловый скот и уничтожая всех армян, которые попадались им по пути. Позднее русские изгнали турок, но при это обращались с местными жителями так же безжалостно за исключением того, что они не преследовали армян. Они платили за [реквизируемые] припасы чеками, которые никто не думал оплачивать. В результате всего этого после ухода русских из страны она оказалась опустошенной. Члены миссии *Данстерфорс* видели, что в городах люди умирали сотнями, и даже вдоль дорог лежало множество трупов. Площадь земель, находящихся в обработке, существенно уменьшилась, и когда-то большие и процветающие деревни практически исчезли. В стране было достаточно зерна, чтобы обеспечить большую часть населения, но это зерно было в руках богатых землевладельцев и торговцев, которые, из-за отсутствия системы контроля, выставляли заоблачные цены, недоступные беднякам. Закон и порядок отсутствовали. Имелась полиция, влияние которой было незначительным, как и власть центрального правительства. Грабители терроризировали и обворовывали путников и даже целые деревни. Крупные землевладельцы и их наемники грабили своих менее удачливых соседей. Ситуация была сопоставима с тем периодом английской истории, когда «каждый делал то, что, по его представлению, было добрым делом, а также многое из того, что, как он знал, было совершенно недостойным». Единства у нации не было. Формально шах и его центральное правительство руководили страной, но указы Тегерана далеко не всегда выполнялись губернаторами таких городов как Хамадан. В Тегеране германские и австрийские агенты занимались активной пропагандой, а позднее этим же занялись и британцы. В результате постоянного вмешательства иностранцев – турок, русских, немцев и австрийцев – у людей постепенно стало проявляться следующее чувство: Персия для персов. Демократы усреднили это так: «Долой этого британского генерала и его свиту, готовых вот-вот заменить русских, которые, спасибо Аллаху, уходят из страны».

Первая партия миссии *Данстерфорс*, состоящая из генерала Данстервилла и нескольких офицеров, добралась до Хамадана 11 февраля 1918 года. Этот город расположен у главной дороги, идущей от Багдада до Энзели, отличается немалыми размерами и имеет большое значение. Население его составляло около 50000 человек. Мало что свидетельствовало о былой славе этого места – большая часть домов была построена из глины, улицы были узкими и грязными. Здесь, где были найдены могилы [Эстер и Мордехая](#), и где Александр [Македонский] отметился одной из своих самых диких оргий, можно увидеть настоящий Ближний Восток. Город практически не был затронут влиянием западной цивилизации. Здесь не найдешь что-либо, напоминающее европеизированные кварталы Каира, Гонконга и Шанхая. На улицах города можно было увидеть большое количество незахороненных трупов, и из-за голода и лишений беднейшая часть населения превратилась во что-то, напоминающее диких животных – семейные связи, скрепляющие отцов и детей, казалось, совершенно исчезли. В некоторых случаях имел место канибализм.

Военнослужащие миссии были встречены всеми категориями местных жителей с максимальной подозрительностью. Их сочли передовым отрядом армии вторжения, такой же, какими были русская и турецкая. Враждебно настроенные митинги прогли в мечетях, и на улицах появились подстрекательские плакаты. Тем не менее, никаких нападений не произошло – у толпы не было лидера, и в нескольких случаях это было единственным, что спасло миссию от уничтожения. Вся северная Персия была наводнена оружием и боеприпасами. Повсеместно можно было наткнуться на угрожающего вида людей с полными патронами газырями, расположенными, по меньшей мере, в два ряда и оружием музейного облика. В дополнение к обширному набору разнообразных древних видов оружия имелось большое количество русских или турецких винтовок, украденных или купленных местными жителями у уходящих солдат. Определенно, недостатка в оружии не было, но главное, на что полагается перс – это на блеф. Фактически, на блефе для него основывается все. Он вступит в бой только тогда, когда боя уже невозможно избежать. Определенно, это похвальная характеристика для любого врага!

Генерал [Данстервилл] выпустил прокламацию, в которой говорилось, что он пришел для того, чтобы помочь местным жителям вернуть себе былое процветание. Первоначально типичный ответ был таким: «Британский генерал говорит, что он пришел дать нам мир и процветание! А мы его просили об этом? Пускай он попридержит свой мир и процветание до того момента, пока мы его об этом не попросим. Персия представляет из себя цивилизацию, которая переживала свой расцвет тогда, когда о Британии даже никто и не слышал, и, следовательно, является маловероятным, что мы у них чему-нибудь научимся».

Вскоре персы начали понимать, что слова британцев – это не просто попытка обезопасить себя. Как только снег на горных перевалах растаял, несколько грузовиков с семенами прибыли на место из Багдада по самым ужасным дорогам. Это зерно было роздано фермерам, которых попросили посеять его, но не продавать. Избавление от голода началось. Множество военнослужащих, которых прислали сюда с различных театров военных действий для работы «в опасной миссии», занялись распределением продовольствия среди голодающих. Мужчины-персы были приставлены работать на дорогах с заработком в три шиллинга в день. Они не выполняли какую-либо значимую работу, но деньги, которые они получали, давали им возможность выживать, и при этом получатель такого пособия оказывал сдерживающее влияние на более воинственно настроенную часть общества, стремящуюся уничтожить непрошенных иностранцев.

Нетрудно представить, что для 16 британцев (15 из которых не говорили по-персидски) было нелегким делом заставить работать на дорогах неорганизованную толпу из 6000 персов. Была выпущена прокламация, в которой говорилось, что все желающие принять участие в дорожных работах для британцев за три шиллинга в день должны собраться в определенном месте за городом в 6 утра на следующий день. На следующий день пришла толпа из нескольких сот человек, и их страстное желание быть выбранными для работы чуть не поубивало занятых в этом деле офицеров – в тот день никаких работ не проводилось. На следующий день была предпринята попытка раздать билеты наиболее истощенным местным жителям, чтобы дать им возможность получить заработок в конце рабочего дня – опять началась давка, и ничего не было сделано.

«Я был недоволен, - рассказал генерал Данстервилл, - этим повторным отсутствием результатов и объяснил ответственному за это офицеру, что это было следствием отсутствия интеллигентности в подходе. Полковник Данкен (Duncan – старший штабной офицер при генерале) вполне согласился с моими замечаниями. Затем я добавил: «От Ваших ошибок они не усядутся. Усадите людей, и станет легко поддерживать порядок».

На следующий день я получил отчаянное послание от ответственного офицера о том, что он не в состоянии сделать что-то с толпой. Я ответил, что пришлю полковника Данкена показать ему, как это сделать. Полковник Данкен отбыл и, сказав что-то вроде «Теперь смотрите, как я это делаю», обратился к толпе на персидском языке следующим образом: «Садитесь, садитесь, садитесь. Ничего не будет, пока вы не усядетесь». Когда толпа в несколько тысяч человек уселась, переводчик объявил: «Этот господин сейчас раздаст билеты тем, кто получит право работать. Никто не должен двигаться – все остаются на своих местах и сидят». Установился полный порядок, и торжествующая улыбка появилась на лице штабного офицера. «Теперь все, что Вам нужно сделать, это обойти их с пачкой билетов и выдать их тем, кто выглядит самым голодным». С этим замечанием он двинулся вперед с одним билетом в руке, чтобы продемонстрировать весь процесс. В одно мгновение на него наса вся толпа из 6 000 человек, и он вернулся погрузневшим, но поумневшим, признав еще одну неудачу после того, как его здорово помяли».

Со временем удовлетворительный метод раздачи билетов был найден, чем было обеспечено сотрудничество со стороны местных гражданских властей. Как только данная схема выплат начала работать на удовлетворительном уровне, голодные дети возрастом от 4 до 10 лет были накормлены. Как правило, матери приводили своих детей, каждый из которых имел глиняную миску. Их собирали в закрытом дворике, выстраивали и заставляли

по очереди проходить мимо котла, из которого каждому наливали миску супа. После того, как одна группа получала свой суп, ее переводили в другой дворик, и другая группа занимала их место.

Работу по преодолению последствий голода сталкивалась с сопротивлением. Например, пекари закрывали свои лавки или требовали сохранения высоких цен, утверждая (совсем необоснованно), что «британцы скупили все имеющееся зерно для своей армии». Билеты подделывались, и определенное количество фальшивых билетов циркулировало постоянно. Подрядчиков, которые снабжали британцев товарами, арестовывали.

Все эти трудности преодолевались, и через месяц стало очевидным значительное улучшение в положении людей. Через три месяца уже редко можно было наткнуться на мертвое тело посреди улицы. Постепенно в отношении жителей Хамадана к британцам произошло заметное улучшение – первоначальная подозрительность уступила место самому настоящему уважению. На Востоке все, кажется, преувеличивается слухами – и в этом случае преувеличения в слухах были в положительную сторону. В двухстах милях от Хамадана на базарах и в чайных обычно говорили, что британцы накормили все население Хамадана, и что превосходная система преодоления голода будет распространена на многие другие города.

Была создана довольно эффективная система сбора разведывательных данных. Агенты, которым можно было доверять, были найдены в течение пары месяцев, и британцы в Хамадане стали регулярно получать информацию об обстановке на Кавказе и в Персии, о численности и местоположении турецких и немецких войск. К концу апреля стало возможным пресекать передвижение практически всех вражеских шпионов вдоль дороги Казам–Керманшах – это было немалым достижением. С прибытием новых партий миссии *Данстерфорс* была взята на вооружение более агрессивная политика. В реальности боевая мощь миссии была невелика, но за счет ее настойчивости были достигнуты результаты, которые потребовали бы наличия в районе и городе Хамадан подразделения размером с бригаду. Например, одолеть простым принуждением Демократическую партию Хамадана с ее лозунгом «Персия для персов» было бы невозможно: она была слишком хорошо обеспечена немецким и австрийским золотом. Эта партия представляла из себя значительную силу и, должно быть, имела в своих рядах не менее трех тысяч человек. Семеро ее лидеров, находящихся в городе, среди которых был глава местной власти, были настроены враждебно. В одну из ночей группы, состоящие из одного офицера и 5 подофицеров, скрытно заняли позиции вблизи домов каждого из вышеупомянутых семерых враждебно настроенных демократов. В назначенный час каждая группа ворвалась в отведенный ей дом, арестовала хозяев к крайнему неудовольствию последних, усадила каждого из них в автофургон и отправила в Багдад под конвоем. На следующий день демократы оказались без вождей. Их недостатком было, главным образом, то, что у них не было воли к нанесению ответного удара.

Потребность в войсках всегда ощущалась в миссии, и, до определенной степени, эта проблема была преодолена рекрутированием нескольких групп наемников. Персы совершенно не годились для военных действий против турецких войск, но, находясь под руководством нескольких британских офицеров, могли эффективно противодействовать бандам грабителей и отлавливать турецких и немецких эмиссаров. Их также использовали для гарнизонной службы и несения службы на постах, расположенных на опасных участках дорог. Деятельность этих наемников нужно было держать под осторожным надзором. Иногда в их ряды случайно рекрутировались бандиты, целью которых было получение униформы и, следовательно, возможности продолжать грабеж под прикрытием властных полномочий. Демократическая партия сделала все возможное, чтобы препятствовать рекрутированию, заявляя, что служба у англичан навлечет вечный позор, и нож мстителя накажет всякого, кто делает это. Эта оппозиционная деятельность не имела большого эффекта, и рекрутирование шло успешно. Можно было получить большое число наемников, превосходящее реальные потребности. В Хамадане было набрано 600 человек, которые составили кавалерийский эскадрон и две пехотные роты, которыми

командовали шесть британских офицеров и обычное количество местных офицеров. Позднее в Казвине было сформировано подразделение меньшего размера. Чтобы создать заслон, защищающий главную дорогу на Энзели, небольшие группы офицеров были посланы в Биджар, расположенный примерно в 100 милях на северо-запад от Хамадана, и Занджан, расположенный примерно в 100 милях на северо-запад от Казвина. Эти партии рекрутировали множество наемников, однако, следует признать, не слишком высокого качества, но само их существование существенно расширило сферу британского влияния и имело значительный моральный эффект в деле сдерживания атак небольших турецких отрядов, продвигающихся со стороны Тебриза. Одним из факторов, сыгравших существенную роль в обеспечении безопасности британцев в это время, стало присутствие множества русских солдат, которые пока не сумели вернуться домой. Они ненавидели местных, местные ненавидели их, британцы их тоже не особенно любили. У местного населения, казалось, было тако чувство, что, если на британцев нападут, русские встанут на сторону белого человека. Русские войска, за исключением казаков Бичерахова, были совершенно неорганизованы и заражены большевизмом – по-видимому, у них не было причин становиться большевиками, а не меньшевиками – они приняли большевизм, очевидно, потому, что это было веянием времени и наиболее подходящим обоснованием для того, чтобы вернуться домой. Политические взгляды русского солдата – а это все, что имело значение – были таковыми: «В прошлом с нами плохо обращались и притесняли. Пришла революция. Теперь мы свободны, но, к сожалению, - темный народ. Мы не знаем, как управлять собой. Я усваиваю то, что говорит последний оратор. Я хочу домой. Казвин – ворота из этой мрачной страны – находится в руках большевиков, следовательно, я – большевик».

Люди этого типа были, скорее, угрозой, а не поддержкой для британцев, и любое подозрение о наличии союзнических отношений между британцами русскими заставляло персов проектировать на первых любое справедливое подозрение по отношению к последним. Казаки Бичерахова, хотя, в какой-то степени, и зараженные большевизмом и жаждущие вернуться домой, были более полезным союзником. Им была присуща некоторая дисциплина, и они были довольно эффективной силой. Всем русским, которые были сами по себе, оказывалась любая возможная помощь в возвращении домой, и генерал Данстервилл убедил полковника Бичерахова, используя обещания помочь в будущем на Кавказе и авансовых выплат его частям, остаться в Персии, пока не прибудет весь состав миссии Данстерфорс с несколькими ротами 39-й Пехотной Бригады, которая со временем доберется до Баку и примет участие в операциях в его окрестностях.

Деятельность миссии Данстерфорс по борьбе с голодом, создание эффективной агентурной системы, рекрутирование наемников, захват многочисленных вражеских агентов и восстановление какого-то подобия закона и порядка помогли британцам завоевать сильные позиции в Центральной Азии. Как только Керманшах, Хамадан и их окрестности стали довольно безопасными, небольшие группы офицеров были посланы в Казвин – дальше на север. Прежде всего, было необходимо проложить дороги на север, обезопасить линии коммуникаций, которые нужно было установить между Энзели и Багдадом для того, чтобы после появления возможности разместить офицеров в Баку не было задержек в формировании сил, способных отрезать турок и немцев от Каспия и железной дороги Красноводск-Бухара.

Мероприятия, которые с таким успехом были осуществлены на юге, были предприняты в Казвине с таким же результатом. Благоприятные слухи, распространившиеся к тому времени об англичанах, сделали задачу менее сложной, чем в Хамадане. Серьезное сопротивление, с которым пришлось столкнуться в Казвине, было оказано движением (Джадж ошибочно называет этих людей племенем – ВК) *Джангали* и его вождем Кучик-Ханом. *Джангали*, что явствует из их названия, являются лесным народом, населяющим провинцию Гилан. Их столица – довольно живописный город Решт. Местность здесь лесистая, и сильно отличается в лучшую сторону от остальной части Персии, аридной и безлесной за исключением орошаемых земель. На протяжении последних 70 миль перед Казвином единственная ведущая к городу дорога петляет по лесу, иногда вдоль

обрывистых склонов, и местами вдоль русел рек, которые часто бывают сухими, но могут быстро превратиться в бурный поток. По меньшей мере, двадцать точек этой дороги могут быть заблокированы небольшими группами стойких бойцов, сражающихся против многократно превосходящего их по численности противника. В одной точке под названием Мензил, близ въезда в провинцию Гилан, есть место, где наступающая сторона может столкнуться с большими трудностями – здесь извилистая дорога очень узка и врезана в скальные породы. Справа (в направлении на север) расположен склон речной долины, слева – горы, предоставляющие прекрасные укрытия и огневые точки для любого числа обороняющихся. *Джангали* меньше пострадали от голода, чем большая часть других частей Персии, и по причине труднопроходимости своей территории и того факта, что они находятся в старой сфере «русского влияния», они не пострадали в сколь-нибудь значительной мере от русской оккупации. Хотя эти люди были жителями лесов, они ни в коей степени не были дикарями или воителями. Едва ли они отличаются большим мужеством, чем остальные персы, но, тем не менее, они составили хребет демократического движения. Их вождь [Кучик-Хан](#), несомненно, был патриотом, хотя и мечтателем, со всей искренностью борющимся за благополучие своей страны. Его идеалы свободы, равенства и братства смущали всех иностранцев. Его люди горячо ненавидели русских, но на начальном этапе революции эта ненависть была временно отставлена в сторону из-за социалистических устремлений обоих народов. Кучик создал комитет, который должен был помочь ему в управлении провинцией. Вскоре комитет начал с готовностью принимать немецкое золото и немецких офицеров, которые реорганизовали и возглавили вооруженные силы провинции. Будучи мусульманами, *Джангали* были благосклонно настроены по отношению к туркам. *Джангали* были в тесном контакте с демократами из других провинций и городов, включая столицу, и к ним с симпатией относились многие видные гражданские чиновники. Центральное правительство не располагало надежными вооруженными силами, и одно время казалось вероятным, что Кучик-Хан сможет без проблем сбросить кабинет шаха и установить в Тегеране революционное правительство. Кучик-Хан не сумел сделать что-либо в критический момент, и смертельная опасность, грозящая британцам, прошла стороной.

Как уже говорилось, между ними и большевиками существовала немалая симпатия. Большевики были настроены антибритански, главным образом, потому, что Британское правительство не признавало их в качестве правителей России. Местные жители были также настроены против британцев, потому что боялись, что последние займут место уходящих русских и затянут войну. Таким образом, в Казвине, Реште и Энзели миссия Данстерфорс противостояли объединенные силы большевиков и Джунгалис. Беспрепятственное продвижение неорганизованных групп русских вдоль лесной дороги было обеспечено Кучик-Ханом, и, по совету немецких офицеров, он также предложил свою помощь Бичеракову при условии что последний порвет все связи с британцами – предложение, которое было с презрением отвергнуто.

Было подсчитано, что провинция имела в своем распоряжении около 5000 пехотинцев, хорошо вооруженных турецкими пулеметами и большим количеством русских и турецких винтовок с запасами патронов, и, кроме того, разнообразным набором собственного устаревшего оружия. У них не было полевых орудий и кавалерии. Немецкие лидеры убедили их в том, что им нечего бояться британцев, которые, по их словам, были крайне трусливы и не в состоянии устоять перед напором патриотов, борющихся за свою землю.

Правда и то, что миссия *Данстерфорс* использовала все возможности для того, чтобы избежать конфликта с *Джангали* – не по причинам, охарактеризованным немцами, а потому, что британцам было нечего приобретать в боях с этим племенем. У нас не было большого интереса к их домашним делам. Все, что нам было нужно, это беспрепятственное продвижение через их территорию и освобождение ряда офицеров, которых они захватили. Долгие переговоры не дали ощутимых результатов, и поэтому мы заручились поддержкой Бичерахова, чтобы проложить себе дорогу.

Четвертого июня Кучик-Хан и его силы заняли сильные оборонительные позиции в районе Мензила. У него было много пулеметов и боеприпасов, и его 5000 пехотинцев, занимающих хорошо размещенные окопы, было достаточно для того, чтобы оказать сопротивление целой дивизии. Бригада Бичерахова была сборным подразделением, состоящим из пехоты, кавалерии и отделения полевых орудий. Несколько офицеров и подофицеров миссии *Данстерфорс* были прикреплены к этой бригаде вместе с несколькими бронемашинами и двумя аэропланами. Важным элементом позиций у Мензила была извилина, отступающая от гор и образующая крутой поворот. Когда артиллерия открыла огонь по расположенным на холмах окопам к западу от дороги, можно было увидеть людей, перемещающихся в тыл, а затем группы из 5-6 человек, бегущих с очевидной поспешностью. Аэропланы обстреляли из пулеметов окопы, вызвав немалую панику. Затем в атаку пошла казачья пехота, и через два часа позиции были в руках Бичерахова. Потери атакующих были очень незначительными. Обороняющиеся оказались полностью дезорганизованными, бросили большую часть своих пулеметов и боеприпасов и удрали в лес. С этого момента автофургоны «Форд» получили возможность перебрасывать войска и грузы от Мензила до Энзели даже без сопровождения бронемашин. Две роты батальона гуркхов и рота Батальона 1/4 Хэмпширского Полка, переброшенные из Месопотамии, были посланы в Решт в качестве небольшого гарнизона. Кучик-Хан приказал своим войскам атаковать изолированные группы трусливых британцев. Эти изолированные атаки осуществлялись безо всякой энергии и потери от них были весьма незначительными. После опыта, приобретенного на [Сомме](#), под Буллекуртом и к востоку от Ипра, подобный род военных действий не вызывал беспокойства.

Довольно серьезная атака на британский гарнизон в Реште имела место на рассвете 20 июля. Группа из 400 британцев, находящихся в зданиях на окраине города, была атакована 1 200 бойцами племени *Джангали*, ведомыми или, скорее, подталкиваемыми немецкими инструкторами. Атака была отбита с ощутимыми потерями для нападавших. Другой небольшой отряд из 19 стрелков охранял местное отделение Имперского Банка Персии (его штаб-квартира находилась в Лондоне). Поскольку лес упирается прямо в крайние дома города, группы *Джангали*, не занятые в атаке на основные силы британцев, проникли в город по узким улицам и попытались захватить банк. Защитники сумели удержаться до подхода гуркхов, которые после того, как была отбита основная атака врага, перешли в наступление. В конце концов, после трехдневных боев, в которых большую роль сыграла поддержка авиации, бойцы-*Джангали* покинули город. Любопытным аспектом этих боев стал страх, который внушили врагу гуркхи, которых местные стали ставить выше британцев из-за эффекта, который произвели индийские ножи [кукри](#).

С этого момента со стороны движения *Джангали* не наблюдалось какого-либо сопротивления, и со временем был заключен мир. Кучик-Хан согласился на прекращение враждебной пропаганды, уволил немецких офицеров и позволил британцам беспрепятственно пересекать их территорию. Вышеупомянутые события были описаны в определенной последовательности и без особых подробностей с целью предоставить наиболее краткий отчет настолько ясно, насколько возможно, но не следует думать, что общие усилия миссии *Данстерфорс* были направлены только на то, чтобы достигнуть Баку. К сожалению, это было невозможно. Появились другие проблемы. Дальнейший рассказ затрагивает трагедию, которая, когда ее описываешь, теряет значимость, но, в реальности, является самым настоящим ужасом.

К югу и западу от озера Урмия проживали две христианские общины, представленные ассирийцами, называющими свое племя [джилау](#), и армянами. Вместе они насчитывали около 80 000 человек. После распада Кавказской армии эти люди были окружены двумя турецкими дивизиями и оказались под жестким давлением. Они, тем не менее, оказали упорное сопротивление наперекор всем обстоятельствам, и, в действительности, выиграли несколько сражений. Они не сдавались из-за боязни попасть под резню и потому, что надеялись на помощь британцев. Турки удерживали территорию к югу от озера Урмия до Сахиза. Территория между Сахизом и Биджаром была наслена дикими курдскими племенами, имеющими репутацию отважных воинов. Турки попытались рекрутировать

наемников из числа представителей этих племен. Мы сделали то же самое, и в результате наступило равновесие. Так христиане оказались окруженными не только турками, но и курдскими племенами с юга.

Народность *джи́лу* сумела направить посланца в партию миссии *Данстерфорс*, расположенную в Биджаре, с просьбой предоставить винтовки, боеприпасы и деньги. Ответ был послан на аэроплане: винтовки и боеприпасы будут направлены в Саин Калех, а *джи́лу* и армян попросили пробиться через кольцо турок в Саин Калех, чтобы встретить кавалерийский эскадрон, который доставит винтовки и боеприпасы. Они сумели это сделать. Их главнокомандующий, тем не менее, совершил смертельную ошибку, послав в эту экспедицию слишком большую часть своих бойцов. Вражеские агенты в районе озера Урмия стали распространять слухи, что весь отряд был уничтожен. Этим слухам поверили. В этот момент все население охватила паника, и, взяв с собой скот и пожитки, люди валом повалили в направлении Биджара и затем в Персию, чтобы найти защиту у британцев. Они были безнадежно дезорганизованы, у них не было продовольствия, они были беззащитны. Те, у кого были быки, лошади, мулы или ослы, передвигались быстрее остальных. Боевой дух, который до той поры демонстрировали мужчины, казалось, испарился, когда все население превратилось в бегущий сброд. Старикам, женщинам, детям никто не помогал – многие умирали на обочинах. На протяжении многих недель после этого дорога, пройденная толпой, была усеяна трупами. Бойцы, находившиеся в толпе, не оказывали врагу никакого сопротивления и всегда были впереди остальных, в готовности разграбить любую курдскую деревню, расположенную по пути. Озлобленные курды преследовали колонну беженцев, убивая беспомощных людей...

Конный отряд из примерно 12 офицеров и подофицеров с тремя пулеметами Льюиса были

посланы на помощь. Отряд был слишком мал, но больше сил не было, и они смогли привезти с собой только несколько тысяч фунтов муки, чтобы подкормить голодающих беглецов. Командовал отрядом капитан Сэвидж (Stanley Savige, 1890-1954, на фото слева, кавалер ордена *За Отличие* и *Военного Креста*, активный участник ВМВ, воевал в северной Африке, Греции и на Тихом океане, дослужился до звания генерал-лейтенанта) из 24-й Австралийской Бригады, и он со своими офицерами и унтер-офицерами совершил подвиги, которыми Австралия вполне может гордиться. Пока беженцы продвигались вперед, Сэвидж и его люди оставались в арьергарде и, насколько позволяла их численность, день за днем прикрывали отход. Они нанесли тяжелые потери туркам и курдам и сумели спасти сотни невинных людей от резни.

Во время этого исхода от 20 000 до 25 000 армян и *джи́лу* погибли...

Когда беженцы прибыли в окрестности Хамадана, их разделили по национальному признаку и начали кормить. Крепких мужчин отобрали в охрану и трудовую армию, остальных отправили в Месопотамию, где они расположились во временных лагерях. Как только было заключено перемирие с Турцией, они были репатриированы. После разгрома Кучик-Хана с сопротивлением в Персии было покончено. Население города Энзели, еще в феврале настроенное крайне враждебно, к июню стало вполне пробританским. Это произошло благодаря неудачам Кучик-Хана, благожелательным по отношению к нам слухам, пришедшим с юга, и падением влияния большевиков.

В Энзели были экспропрированы три транспорта – *Або*, *Курск* и *Президент Крюгер*. Они впоследствии использовались для транспортировки грузов и боеприпасов в Баку. В этот момент можно было сказать, что британцы несомненно стали хозяевами северной части страны. За несколько месяцев были завоеваны сильные позиции несмотря на трудности всех видов – плохие дороги, нездоровый климат, в котором господствовали тиф и холера, враждебное отношение персов и *Джангали*, большевистская пропаганда, нехватка продовольствия, нехватка топлива, необходимого для перемещения транспорта по дороге

длиной в 600 миль между Багдадом и Энзели. Теперь предстояло осуществить вторую часть программы миссии *Данстерфорс* – оборону Баку.

Армянский Национальный Совет в Баку жаждал нашей помощи, но большевики города отказывались иметь что-либо общее с британцами. Группы бывших солдат, возвратившиеся и Персии, были разоружены, но это привело к уличным столкновениям, в которых значительная часть татарских (вероятно, речь идет об азербайджанских кварталах – ВК) кварталов была разрушена. В политическом плане, сила армян в Баку заключалась в том, что они не хотели турецкой оккупации Баку. Напротив, большевики не были настроены столь враждебно по отношению к туркам. К концу июня турецкий вопрос стал весьма серьезным – 12 000-ная группировка турок, наполовину состоящая из кадровых военных и наполовину из наемников, продвигалась вдоль железной дороги от Тифлиса. Тем не менее, их наступление было медленным, так как железная дорога была в плохом состоянии, не хватало подвижного состава, да и немцы в Тбилиси вовсе не желали падения Баку в руки турок.

У армян были все основания полагать, что турки добьются своего, если не свергнуть большевистское правительство. В соответствии с этим они осуществили переворот, заменив большевиков комитетом из «5 диктаторов». Тринадцать судов с большевиками на борту отплыли в Астрахань, забрав с собой все вооружение и боеприпасы, которые они смогли увезти с собой. За судами погнались два вооруженных корабля, суда были приведены назад, и снаряжение с них было сгружено на берег. Людям после этого разрешили отбыть в Астрахань.

К тому времени Бичерахов привел совой отряд в Баку и приготовился принять участие в обороне города. Он получил звание генерал-майора и взял под свое командование все местные военные подразделения, известные под названием «Красная Армия». Несмотря на получение нового внушительного чина, он никогда не пользовался большим влиянием в городе, и *Диктаторы* намеревались использовать его в своих целях – момент, который он быстро заметил. *Диктаторы* обратились за помощью к миссии *Данстерфорс* и ко всем имеющимся в его распоряжении воинским частям. Генерал Данстервилл охотно удовлетворил просьбу, но заметил, что сил, имеющихся в его распоряжении, недостаточно для защиты города, и что местные воинские части будут, в основном, нести ответственность за свое спасение. Набор новобранцев шел медленно и так и не превысил по численности одного батальона.

В городе жило около 300 000 человек – русских, татар и армян с небольшим количеством грузин и греков. Многие здания, построенные в европейском стиле, очень красивы. Очень живописен русский собор в центре города. Улицы города обычно очень широки и в мирное время, должно быть, за ними хорошо присматривали. Они вымощены брусчаткой, и когда-то здесь работала эффективная трамвайная сеть. Город расположен в обширном понижении, постепенно поднимающемся на севере и юге к линии обрывов. Сельская местность в округе безлесна за исключением рядов красиво высаженных деревьев. Здесь имеется три основные группы нефтяных скважин в Биби Эйбат, Балахани и Бинагади. Сырая нефть очищается в месте, известном под названием Черный Город там же, где находятся большие нефте- и бензохранилища.

Правительство города было слабеньким. Хотя большое количество большевиков покинуло город, многие остались, и, помимо правительства, городом управляли комитеты. Большинство в этих органах власти не было представлено специалистами, и в результате они попусту тратили огромное количество времени на обсуждения и прохождение резолюций вместо того, чтобы что-то делать. Даже когда резолюции проходили, ни у кого не было полномочий, чтобы осуществить их. Большинство граждан устали от непрерывного беспорядка и были готовы поддержать любой план, который обещал стабильность и безопасность. Кто-то сказал, что «революционеры относятся друг к другу по-братски в наименьшей степени по сравнению с остальным миром и представляют из себя живое отрицание своих собственных доктрин». Примечательным является то, что

большевики, настроенные резко антибритански до нашего прибытия, стали нашими сильнейшими сторонниками – очевидно, потому что увидели в нас надежность, денежные возможности и вооруженную силу. Продовольствия не хватало, и цены были высоки. Все было национализировано, и у частных не было никакого стимула к импорту продуктов. Самое заурядное блюдо в гостинице стоило что-то около двух фунтов по тогдашнему обменному курсу. В дополнение к нехваткам способ распределения продовольствия среди гражданского населения был неважным. Такие моменты, как методика действий гражданских властей, снабжение продовольствием и экономическая ситуация в городе упоминаются не потому, что они очень интересны, а потому, они всегда оказывают значительное влияние на ситуацию в осажденном городе. Во время прибытия британцев линия обороны, удерживаемая защитниками, составляла в длину около 21 000 ярдов (около 19 км). Левый ее фланг упирался в море, и здесь обороняющимися удерживался обрыв длиной около 7 миль, обращенный на север. Далее обрыв разворачивался внутрь оборонительных порядков, но линия обороны протягивалась дальше на север примерно на три мили до горы, носящей название Грязевой Вулкан. Отсюда линия обороны поворачивала на восток до деревни Бинагди и местечка Дига. Правый фланг обороны упирался в соляное озеро, расположенное в трех четвертях мили (1.2 км) к северо-востоку от Диги. Линия была слишком близка к городу, и ее нужно было установить строго в направлении север-юг через весь полуостров (на котором расположен Баку – ВК). Вдоль линии обороны не было проволочных заграждений, окопы были неглубокими, при этом не было связанных, запасных окопов и окопов второй линии. Пехота обороняющихся насчитывала 6000 человек и была разделена на 22 батальона, в которых имелось от 150 до 250 человек. Батальоны были плохо организованы, плохо снабжались продовольствием и боеприпасами, и было очень мало опытных местных офицеров. Было несколько эскадронов кавалерии и множество батарей, орудия в которых варьировали от горных до 5-дюймовых стволов. Орудия были устаревшими и разных моделей.

Незадолго до турецкого наступления на Баку: русские и армянские солдаты недалеко от передовой

Обучение местных подразделений

Жалкое состояние оборонительных линий отражало боевую готовность войск. Русские были наиболее надежными из них, но у них не было никакой дисциплины. Были комитеты. Зачастую приказы комитетов не выполнялись. У офицеров не было власти. Автор этих заметок однажды спросил русского солдата, почему он не выполнил приказ, данный ему русским офицером. Ответ был таким: «С какой стати я должен делать то, что он мне говорит? Он такой же рядовой солдат, как я, и я не думаю, что то, что он говорит, является толковым планом». Можно было ожидать, что армянские солдаты станут примером целеустремленности и храбрости. Ни того, ни другого у них не было. Во время бесед они говорили: «Да, вы правы. Если мы здесь не удержимся, турки скоро будут в городе, убивая наших жен и детей. Мы будем защищать эту позицию до последнего» - храбрые слова, которые так и не воплотились в действия. Когда начиналась вражеская атака, все декларации оказывались забытыми. Они бежали в тыл, оставляя врагу свои пулеметы. Часто солдат рассматривал пулемет, с которым он должен был воевать, как свою личную собственность, и когда ему так хотелось, он уходил в город, взяв с его собой. Их вожди едва ли были лучше рядовых по боевым качествам, хотя среди них было несколько действительно способных и целеустремленных офицеров. Вот иллюстрация к тому, с какой армией нам приходилось вместе работать и помогать ей:

«Я получил, - рассказывает генерал Данстервилл, - приглашение от русского главнокомандующего, прибыть в 8 часов вечера на заседание Военного Совета. Я ответил, что не являюсь сторонником подобных заседаний, но раз уж было решено провести его, я с удовольствием приму в нем участие. Придя, я увидел главнокомандующего за столом, на котором лежали карты, и он предложил мне сесть рядом с ним. Комната была заполнена представителями различных комитетов. Армянский Национальный Комитет был представлен в полном составе, присутствовали все пять диктаторов, делегаты советов рабочих, крестьянских, солдатских и матросских депутатов. Было маловероятным, что Военный Совет, заседающий в таком составе, сможет достичь чего-нибудь полезного. Заседание началось с выступления генерала, который представил довольно ясную, но продолжительную оценку ситуации, при этом его высказывания сопровождалась возгласами несогласия или одобрения со стороны членов различных комитетов. Тем не менее, ему дали закончить, не перебивая, и он сделал следующее заключение: «Противник взял А и Б и, вероятно, двинется в сторону Г, что сделает оборону Д невозможной. Вследствие этого, я предлагаю изменить всю систему обороны следующим образом».

Еще до того, как им было высказано заключительное предложение, вышел широкоплечий матрос с его собственной оценкой ситуации. Он использовал карту генерала, указывая на ней точки своим большим пальцем, не обращая внимания на то, что его палец покрывал более одной квадратной мили, что делало его замечания довольно туманными. Он говорил около часа, с очевидным удовольствием, часто повторяясь и уходя в сторону, используя шаблоны или высказывания типа «мы будем сражаться до последней капли крови», что

вызывало к жизни громкие аплодисменты. Он закончил в этой манере, сделав заключение, которое полностью противоречило позиции главнокомандующего. Его заключение звучало примерно так: «Генерал говорит, что турки удерживают такую-то и такую-то точки. Это не так, линия проходит таким образом (следует описание воображаемой вражеской линии с существенными деталями). Он говорит, что нам нужно отдать позицию Б. Это не так. Я только что получил телефонное сообщение от своего друга, находящегося там. Генерал говорит, что мы должны занять такую-то и такую-то линии. Он абсолютно не прав. Это не та линия, которую нужно занимать. Вот то, что нужно (еще подробности). Его совет – это не совет храброго человека. Мы будем сражаться до конца, и так далее...» К моему удивлению, генерала никоим образом не обидело дилетантское вмешательство в его планы, казалось, он полагал, что в словах матроса было много дельного.

Когда оратор с неохотой занял свое место, пришло время высказаться Армянскому Национальному Совету, который предложил план, не совпадающий ни с планом главнокомандующего, ни с планом матроса. После них у *Диктаторов* нашелся вполне свежий план, отличающийся от всех остальных. За Диктаторами последовали другие ораторы, каждый со своими взглядами, и каждый – вдохновленный желанием говорить до тех пор, пока есть дыхание. Время шло, пока часы не ударили час после полуночи, и мое терпение иссякло. Не знаю, сколько продолжалось заседание, но решив, что пришло время для сна мне и моему контингенту, я извинился перед главнокомандующим и удалился, оставив совет продолжать свои бесплодные дискуссии».

Все это довольно забавно, но становится грустно, когда вспоминаешь, что военные действия, проводимые таким образом, способствуют гибели храбрых британских солдат. К этому времени турки заняли линию, расположенную от нас примерно в 2 000 ярдов (1 800 метров). Неизвестно, какие силы были у них в распоряжении, но, вероятно, их было около 10 000 человек, включая кавалерию и артиллерию. Некоторые из их полков были вполне боеспособными, но у них было много наемников, которые не отличались надежностью. Большое количество татар из самого города и окрестных деревень (вероятно, речь идет об азербайджанцах – ВК) присоединились к туркам, и, хотя они в большинстве своем были гражданскими лицами, польза от них была и немалая – они хорошо знали местность. Определенно, в городе было много вражеских агентов, которые могли с легкостью пересекать линию фронта, и, вероятно, у них было прямое телефонное сообщение с турками.

Бичерахов прибыл в город на три недели раньше британцев. После того, как он принял участие в серии боев, он отвел свой отряд к Дербенту, расположенному в 100 километрах к северу. Произошло одно примечательное событие в серии удручающих и бесплодных операций, в которых только армяне проявили некоторый энтузиазм и агрессивность. 30 июля «Красная Армия», другими словами, местные части и казаки, были отброшены на некоторое расстояние, оставив врагу доминирующие над городом высоты, расположенные в 3 000 ярдов (2 700 метрах) от причалов. Среди турок распространился слух, что большие силы кавалерии появились у них в тылу. Они начали отступать. Армяне стали их преследовать со значительной энергией и вновь заняли ранее оставленные ими важные позиции, но вместо того, чтобы закрепиться, большинство из них вернулось в город, чтобы прогуляться по бульварам и рассказать восхищенным подружкам о своих подвигах.

Уход Бичерахова оставил просвет на крайнем правом фланге линии обороны, и этот просвет так и не был закрыт. Местные власти с горечью жаловались по этому поводу, но так ничего и не сделали, чтобы закрыть просвет, на протяжении трех недель, которые оставались до прибытия британцев. Бичерахов больше беспокоился о безопасности собственных людей, чем города, и его уход решил судьбу города. Если бы он остался, город никогда бы не пал в руки врага. Британские подразделения численностью около 1000 человек из состава 9-го Батальона из Северо-Стаффордширского Полка/North Staffordshire Regiment, 9-го Батальона из Уорчестерширского Полка/Worcestershire Regiment, 9-го Батальона из полка Королевских Уорикширцев/Royal Warwickshire Regiment и артиллерийской батареи, заняли различные позиции вдоль линии обороны. Чтобы

поддержать боевой дух защитников, эти подразделения пришлось разбросать вдоль всей линии. Все эти британские силы следовало держать в резерве для контратаки, но русские никогда бы не пошли на это.

Четырнадцать офицеров миссии *Данстерфорс* были прикомандированы к местным частям. Шестеро из них были артиллерийскими офицерами, и они приняли под команду местные батареи. Они внесли много улучшений в качество стрельбы и повысили эффективность в работе орудийных расчетов. Люди приобрели солдатские навыки и многому научились, у них появилась преданность своим британским командирам. Местная артиллерия благодаря инструкторской работе этих немногих офицеров и общей организационной работе двух офицеров из штаба миссии *Данстерфорс* стала наиболее эффективной частью местных вооруженных сил. Восемь пехотных офицеров были прикомандированы к местным батальонам и пехотным бригадам в качестве «заместителей командиров». Благодаря их усилиям вдоль большей части линии обороны были установлены проволочные заграждения. Их подразделения отрыли улучшенные траншеи, увязанные в систему, и множество коммуникационных окопов. Были установлены добротные пулеметные гнезда, и наш бакинский штаб собрал все доступные пулеметы и распределил по частям. Для всего этого было слишком мало офицеров. Зачастую офицер оказывался ответственным за участок фронта длиной в милю, и руководить всеми работами было непросто. Местные офицеры были расположены к сотрудничеству, но у них было мало власти над людьми. Проведение такой работы, как обустройство пулеметного гнезда, требовало постоянного терпения и энергии. У русских есть нехорошая привычка пускать все на самотек. Следующая ситуация была типичной: «Обходя линию, я наткнулся на пулемет, расположенный на неприемлемой позиции. Говорю с командиром и убеждаю его передвинуть точку ночью туда-то и туда-то. Затем нахожу офицера, ответственного за пулемет, и после нескольких вежливых и, по мере возможности, шуточных замечаний, говорю: «Здесь пулемет бесполезен, поскольку... Я хочу, чтобы сегодня ночью вы передвинули его на такую-то позицию. Офицер решает, что предложенная позиция будет превосходной, и соглашается передвинуть пулемет той же ночью. Чтобы быть уверенным в том, что об этом не забудут, я встречаюсь с пулеметным расчетом и говорю им, что пулемет нужно переместить на ... сегодня ночью. На следующий день я обнаруживаю, что по каким-то детским причинам ничего не было сделано, и, если я действительно хочу, чтобы пулемет переместили, я должен буду прийти в назначенное время, взять пулемет, офицера и расчет, разметить новую точку и остаться там, пока вся работа не будет выполнена. Приходится делать много ненужной работы в связи с этими делами, и, хотя мне нужно торопиться делать многое другое, я получаю мало помощи».

Так или иначе, в обороне и поведении войск за короткое время наметились значительные улучшения, и, если бы атака турок произошла на три недели позднее, после завершения реорганизации и укрепления оборонительных линий, мы бы смогли, вне всякого сомнения, удержать город. Маловероятно, что кто-то может описать все операции, проведенные Русско-Армянской бригадой – даже командиры бригад и дивизий. Приказы всегда отдавались соответствующим образом, но зачастую частям не удавалось добираться до мест назначения, и контратаки, которые планировались, в некоторых случаях так и не были осуществлены из-за трусости или неповиновения со стороны тех, кому было приказано их провести.

Британские войска мало чего добились из-за того, что оказывались уязвимыми из-за провалов в деятельности своих союзников или из-за того, что последние не поддерживали их в критические моменты.

26 августа около 1000 солдат противника атаковали Грязевой Вулкан, который удерживался Ротой *D* 9-го Батальона *Северных Стаффордширцев*. Рота понесла тяжелые потери и, в конце концов, была вынуждена отступить на 400 ярдов, закрепиться на другой линии и там задержать противника. Этот полк в период последующих операций воевал превосходно.

31 августа турки атаковали и захватили гору Бинагади, которую обороняла одна рота британцев. Армяне, находившиеся в резерве в деревне Бинагади, не только не поддержали их, но даже отошли в тыл. И опять британцы понесли тяжелые потери, и единственным утешением было то, что противник потерял намного больше. Финальное общее наступление было осуществлено противником 14 сентября. Информация о его намерениях была получена на 36 часов раньше от араба-перебежчика. Были предприняты соответствующие меры по всей линии, но только одна рота британцев была отведена с передовой для формирования надежного общего резерва. Главный удар был нанесен на рассвете на участке *Волчьих Ворот*, в природном отношении – сильной оборонительной позиции, расположенной примерно в 500 ярдах на крайнем левом фланге и удерживаемой красноармейцами, а также в районе деревни Беладжари, где оборонялись солдаты полка *Уорстерширцев* и армянская часть. Атаки последовали и на других участках, оказав деморализующее воздействие на обороняющие их местные части. Войска, оборонявшие Волчьи Ворота, не оказали вообще никакого сопротивления противнику. Кавалерийский полк прорвался в образовавшуюся брешь и вышел на расположенное над городом плато, вызвав панику среди обороняющихся артиллеристов. К 8 утра враг занял дома на восточных окраинах города. *Уорстерширцы* отбили атаку по своему фронту и позднее оказались почти в полном окружении из-за отступления местных частей на своем правом фланге. От уничтожения их спас отход на высоту, расположенную близ города.

Большая часть отрядов Красной Армии оказала вялое сопротивление и в ряде случаев бежала в Баку. Полк, оборонявшийся вблизи деревни Беладжари – группа из примерно 1 200 русских и армян – отбил все вражеские атаки, переходил в частично увенчанную успехом контратаку, чтобы спасти полк, оборонявшийся слева от них, и с трудом отступил на новую линию обороны после того, как чуть полностью не попал в окружение. Это было единственное достижение армии, состоящей из гражданских лиц. Британская рота, находившаяся в общем резерве, нанесла контрудар в направлении *Волчьих Ворот* – контратаку, которой может гордиться любой англичанин, однако перспектива атаки примерно 120 человек, без артиллерийской поддержки наступавших на хорошо вооруженного врага численностью около 2 000 человек, выглядит скорее жалкой, чем славной! Рота понесла тяжелые потери, но отвлекла врага, что замедлило его продвижение в город.

Контратаки русских не имели большого эффекта, и к 4 часам после полудня стало очевидно, что город обречен. Войска были в беспорядке и повсеместно отступали. Большая часть пулеметов была брошена, и, в дополнение к этому, многие полевые орудия были выведены из строя. *Диктаторы* начали обсуждать вариант капитуляции (на условиях, с которыми стороны пришли к согласию на следующий день). Генерал Данстервилл затем принял решение отвести свои войска, считая дальнейшую оборону бесполезной. (Достоверность этой точки зрения содержит противоречия, поскольку оставалась возможность отвода остатков измотанных британских войск, перегруппировки и нанесения контрудара). Раненых разместили на транспортных судах, и около 8 часов вечера британская пехота вместе с артиллерийской батареей и ее орудиями была погружена на суда *Курск* и *Президент Крюгер*, которые ждали их в полной готовности.

Благодаря удачному стечению обстоятельств и хорошему руководству оставшиеся офицеры миссии *Данстерфорс*, откомандированные в местные части, также были уведомлены о намеченном уходе, и, за исключением одного офицера и одного сержанта, которые сумели уйти с беженцами в Красноводск, все взошли на борт транспортных судов. Транспорты сумели ускользнуть от сторожевых судов, находящихся при входе в гавань, и к 6 вечера 5 сентября добрались до Энзели. После заключения перемирия с турками миссия *Данстерфорс* была расформирована. Вместе с 39-й Бригадой они создали хорошую репутацию британским солдатам – репутацию, которая надолго сохранилась в данном регионе. Приведенная ниже копия резолюции команды *Курска* дает некоторое представление об сложившемся в то время общественном мнении:

Мы, судовой комитет парохода Курск своими глазами, с огромным восхищением наблюдали, с каким героизмом храбрые британские войска защищали Баку. Мы видели, как они переносят ранения и смерть, обороняя наш город, который наши люди оказались не в силах защитить. Как прекрасно, что эти парни с далекого острова в Северном море пришли сюда, на Каспий и отдали свои жизни во имя чести и славы. На нас их поведение, смелость и доблесть, проявленные при спасении Баку от турок, произвели такое впечатление, что мы хотим все как один быть приняты в число британских граждан.

Материалы получены из Австралийского Военного Мемориала/Australian War Memorial

Возврат к главной странице www.warsstory.org